

Николай Лесков

Брамадата и Радован



Николай Семёнович Лесков

Брамадата и Радован

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4721322

Аннотация

«...Услыхал бенаресский царь, непобедимый Брамадата, что его храбрые воины, у которых в костях ноет, не веселятся от своей прошлой храбрости, а завидуют тем, что век в тиши прожили, и разгневался, и велел созывальщику взять большой барабан и ходить над рекою да стучать во всю мочь, чтобы был слышен шум по воде далеко во всем его царстве, и послал здоровых крикунов верхом на слонах, чтобы они на слонах в самую середину народа въезжали и кричали военный клич всем людям, кто хочет идти на свирепых соседей и все их добро забрать и между собою поделить, а их земли под одну державу Брамадаты подбить и обложить их тяжкою податью...»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	24

Николай Семенович Лесков

Брамадата и Радован

Глава первая

В очень давнее время в Индии были два смежные царства: одно называлось Бенарес¹, а другое царство Казальское². В одном из них, в Бенаресе, правил царь по имени Брамадата, а в другом – в Казальском царстве – Радован. Они были между собою несогласные и постоянно не ладили оттого, что у них были разные характеры и понятия, и во всем они хотели все разного. Брамадата, бенаресский царь, был большой воин и хотел, куда ни придет, чтобы всех сейчас побить или в плен угнать; а Радован терпеть не мог воевать, а все заботился, чтобы у него в земле была тишина и чтобы люди никто один другого не обижали, а все бы в ровнях трудились и имели себе пищу и одежду, а на чужое добро не завидовали и ничего чужого себе не брали. От этого разного расположения царей и во дворах у них, и во всем подданстве все шло по-разному.

У Брамадаты была тогда радость, если он кого-нибудь побьет и чужое добро возьмет, а Радован тогда был утешен, ес-

¹ *Бенарес* — наименование индийского государства Кази (V в.) по его столице.

² *Царство Казальское* — существовавшее в V в. индийское государство Козала.

ли у него все было тихо и все люди трудятся и живут сред-
ственно, а не стараются превзойти один другого обманом
или опутать ложью и хитростью. И как у храброго Брамада-
ты, так и у хозяйственного Радована не все всегда ладилось.

Радовановы люди наскучили миром и тишиною, и стали
они говорить:

– Что нам из того, что нам тихо и покойно жить в тиши-
не. Ноне тихо и завтра опять тоже тихо – оно уже и наску-
чило, и куда мы за свой рубеж ни пойдём, за каким ни слу-
чись делом, нам от соседей такого почёта нет, как людям из
храброго царства Брамадатова. Так нам жить хоть и сытно и
привольно, да обидно и не весело.

И докучали этим ропотом люди царю Радовану очень мно-
го лет и заставили его претерпеть много горестей оттого, что
люди его не понимали пользы мирного житья и завидовали
бранному шуму и славе воительской.

А у Брамадаты-царя люди в царстве его на войну обижа-
лись и роптали так:

– Что нам за польза от наших воинских доблестей. Что
ни больше натащили себе серебра или золота – то все у нас
только дороже становится, и некому даже ни пахать, ни рис
убирать, ни скот пасти. Одни перебиты, а другие вернутся
такими калеками, что, глядя на них, только казнишься. Луч-
ше б нам тихо жить по-соседски со всеми и ни с кем бы не
ссориться.

Услыхал бенаресский царь, непобедимый Брамадата, что

его храбрые воины, у которых в костях ноет, не веселятся от своей прошлой храбрости, а завидуют тем, что век в тиши прожили, и разгневался, и велел созывальщику взять большой барабан и ходить над рекою да стучать во всю мочь, чтобы был слышен шум по воде далеко во всем его царстве, и послал здоровых крикунов верхом на слонах, чтобы они на слонах в самую середину народа въезжали и кричали военный клич всем людям, кто хочет идти на свирепых соседей и все их добро забрать и между собою поделить, а их земли под одну державу Брамадаты подбить и обложить их тяжкою податью. И как услышали этот клич в Брамадатином царстве здоровые люди – все не стали слушать своих стариков, которые тяготились военным житьем, а схватили луки и стрелы, взяли щиты и, опоясавшись в латы, пошли воевать своих свирепых соседей, и скоро все царство Радована-царя покорили; тех, которые хотели сражаться, побили или покалечили, а самому Радовану хотели назад руки связать и вести его на веревке за Брамадатой-царем, когда он будет возвращаться назад с победными войсками в свою столицу. Но смиренный казальский царь Радован все свои потери перенес с терпением, а не мог вздумать о том, как его будут на веревке вести и тогда над ним станут смеяться и победители его, и его бывшие подданные, которые теперь отступили от своего смиренного обычая и предались победным торжествам Брамадаты, царя бенаресского. И чтобы не переносить этого унижения, сказал Радован царице, жене своей: «Сбрось с себя

поскорее свое царское и питье, которое на тебе осталось, и отдай его нищенке, а у ней возьми ее бедное платье, и я тоже самое сделаю и, покрывшись лохмотьями, убежим потихоньку и скроемся в такое место, где нас никто не вздумает разыскивать, и будем там жить до веку, или пока в судьбе нашей перемена наступит».

Глава вторая

Жена Радована на все согласилась, и обменяли они свои последние царские платья с нищими и бежали темною ночью из своей Казалы, стали скрываться в лесах и пустынях. Но туда скоро до них дошел слух, что царь Брамадата, узнавши об их побеге, страшно разгневался и показнил много и своих людей, и их бывших подданных за то, что они упустили Радована с его женою, царицею Рупти, и Брамадате некого стало вести за собою на веревке, когда он будет входить в свой Бенарес победителем под знаменами. А потом велел Брамадата опять бить в барабан над рекою и кликать на все царство, что кто из своих или чужих людей укажет, где скрываются Радован с его царицею Рупти, тому будут от паря Брамадаты большие дары царские, и повезут этого указчика, в знак почета, на убранном слоне вслед за связанным Радованом и за его Рупти-царицею и напишут его имя острым клином на камне в память внукам и правнукам.

И как узнал об этом царь Радован, то затрясся от страха и жалости, что из-за него очень много людей погублено, и сказал он тогда Рупти-царице:

– Кажется, плохо мы сделали, что скрылися, и через это много напрасно людей уже погибло, а к тому же нам с тобою не укрыться теперь и в рубище: кто-нибудь нас узнает и царю Брамадате укажет нас. Большие дары соблазнительны на и

почести взманчивы – я ни на кого уже из своих былых слуг не надеюсь. А не лучше ли нам пойти и самим объявиться? Как ты думаешь?

А царица Рупти отговорила мужа, чтобы он не шел объявляться Брамадате, а посоветовала ему скрыться на иной манер: не в лесных дебрях и пустынях, а идти прямо в столицу бенаресского царства и жить там среди низких людей в безызвестности, так как там их никто искать не подумает и им там будет жить безопасно.

Царь Радован послушал совета жены, и они пошли в Бенарес нищими и пришли туда никем не признанные и поселились между самыми простыми работниками, которые жили поденного работою. И тут царица Рупти, у которой до сей поры детей не было, ощутила у себя под сердцем биение новой жизни и родила прекрасного мальчика и назвала его Долгоживом.

Так ей это имя на мысль пришло, что отец-де его долго скорбел, а он пусть долго жить будет и за наши бедствия с врагом нашим Брамадатой расплатится.

И прожили Радован с Рупти и с сыном своим Долгоживом в столице бенаресского царства у Брамадаты-царя в неизвестности целых десять лет между простыми рабочими в больших трудах, и изменились родители Долгожива так, что походили на свой прежний вид не более, как похожа сенная былинка на сочную траву, а все от своей судьбы не укрылись.

Глава третья

Тащил раз на себе бывший царь Радован тяжелую ношу и устал под нею до смерти и захотел в реке выкупаться. И только что снял с себя лохмоток, которым был повязан по поясу, да хотел в воду влезть, как увидал его гулявший у себя в саду богач, который был у него раньше разгрома Казальского царства постельником, и узнал у него на бедре родимый знак – пятно темного цвета, точно малая пташка с головкой, загнутой под крылышко. И сейчас захотел тот вельможа предать своего бывшего царя казальского новому своему повелителю, царю бенаресскому, и указал на него воинам, а воины взяли Радована и жену его и привели их к Брамадате-царю. Долгожива же не взяли, потому что его в ту пору в доме при родителях не было, да и вины на нем никакой Брамадата-царь не взыскивал.

А Радована и жену его Рупти царь Брамадата повелел водить связанных по всей своей столице, пока обведут их по всем улицам и закоулочкам и увидят их все живущие в Бенаресе, и свои, и заезжие, а потом вывести их за город им пыльное поле и расечь мечом каждого напополам и начетверо.

Так и водили Радована и жену его Рупти, а сын их Долгожив во все это время шел за ними и плакал, а когда после показа их всем людям привели Радована и Рупти на пыльное

поле за город и стали готовиться рассечь их каждого пополам и начетверо, то Долгожив попросил, чтобы ему позволили подойти к отцу и принять от него на всю жизнь свою отцовское наставление.

Спросили об этом дозволения у царя Брамадаты, и Брамадата дозволил дать отцу с сыном свидание, но велел только доложить ему, что такое Радован даст своему сыну в заповедь, чтобы знать потом, можно ли от Долгожива ждать худого или хорошего.

Воспоследовало с таким разрешением свидание, и подпустили мальчика Долгожива к отцу его Радовану, а тот не стал перед сыном ни сожалеть о жизни, ни на свою долю плакаться, а сказал ему только те слова:

– Сын мой Долгожив, не смотри слишком далеко и не смотри слишком близко и помни, что вражда умирается не враждою, а незлобием.

А больше Радован ничего и говорить не захотел, и тогда тотчас же над ним и над женою его Рупти был приведен и исполнение приговор Брамадаты. Бывшего царя казальского и жену его повергли связанных на землю и рассекли мечами сначала каждого на полы, а потом и начетверо, и бросили их в горячей пыли и приставили стражу к их рассеченным телам, чтобы оставались здесь без всякого погребения, дабы знали все, как бывает с теми, кто Брамадате-царю не покорствует.

Глава четвертая

Отрок Долгожив вырастал между простых людей и знал, как с людьми обходиться надобно, чтобы достичь, чего хочется, а хотелось ему больше всего, чтобы рассеченные тела его несчастных родителей не валялись и пыли, пока их мясо птицы облущат, а кости ветер обдует; а захотел Долгожив сжечь тело отца с матерью на костре, как у них есть обычай хоронить в их индийской стране. И вот собрал Долгожив поскорее все, что у них было в хижине, и продал, а на те деньги, которые выручил, купил два большие кувшина вина сладкого, да два – вина крепкого да еще призапасил две большие вязанки смолистых дров и пахучего хвороста. Хворост и дрова он в овражке спрятал, а сладкими винами стал потчевать стражу, которая сторожила рассеченные тела. И когда сторожившие воины подпили, Долгожив стал им в сладкое вино подбавлять вино крепкое и так их напоил, что они уснули крепким сном. Тогда Долгожив оттащил их всех в сторону, а из оврага принес дрова и хворост, положил на костер рассеченные тела своих родителей и поджег костер. Костер вмиг запылал, и пахучий дым от смолистого дерева поднялся высоко, и тела Радована и Рупти сожжены были в пламени, а воины все еще спали и не проснулись.

Тогда Долгожив-царевич – как обычай есть в их стране – в знак почтения к своим родителям обошел пепелище вокруг

три раза со сложенными на груди руками и пошел прямо отсюда, не оглядываясь, в лесную дебрь и там долго оплакивал тела отца с матерью и обдумывал наставление отцовское: как понять слова «не смотри слишком далеко и не смотри слишком близко, потому что не враждою умиротворяется вражда, а милосердием». И понял он на первый раз, что сидеть да плакать об утрате от горести – будет значить «смотреть очень близко», будто как только и определено человеку в жизни делать, что убивать время в тоске о том, что прошло и чего возвратить невозможно.

Рассудивши так, встал царевич Долгожив с места, на котором долго сидел плачучи, под высоким деревом, и пошел в жилые места к людям, чтобы жить между них своими трудами, но долго он не находил нигде для себя никакой работы, и, переходя с места на место, пришел опять в Бенарес, в столицу царя Брамадаты, и стал на площади, где собираются неимущие люди и ждут, чтобы их кто-нибудь взял на поденную работу.

Тут простоял он с утра и до жаркого полудня, когда уже одних рабочих разобрали, а другие, не нанявшись, к себе в шалаши ушли, а он все оставался и ждал, потому что был голоден и идти ему было некуда.

Тогда в самый пеклый жар пришел сюда царский конюх и сказал ему:

– Вот ты без дела стоишь и домой не идешь, верно, тебе и идти совсем некуда, так не хочешь ли со мной пойти по-

работаться?

– Только и жду того, – отвечал Долгожив, – веди меня, куда надобно, я всякое дело делать рад, лишь бы вреда от того другим не было.

– Нет, – отвечал конюх, – никому другому не будет вреда от того дела, на которое я тебя зову, а не скрою я от тебя, что как бы тебе самому от этого не было неприятности. Видишь ли, есть у нас на царской конюшне очень много слонов, и за каждым из них по два приставника и между этих слонов один новый есть – он недавно пойман и дик еще, и все его боятся, потому что он уже многих приставников своих хоботом схватывал и из стойла вон швырял, а других бил об стены до смерти и ногами раздавливал. Вот и нынче еще последнего своего приставника он ногою убил, и теперь никто к нему в стойло взойти не решается. Все согласны лучше прямо от царской воли себе казнь принять, чем к слону приблизиться, а слон этот нашему царю Брамадате очень нравится, и вот конюший позвал меня и сказал: «Иди и ищи, где знаешь, человека, который бы согласился за этим слонем ходить. Я ему дам жалованье против всех других вчетверо, а если такого человека не отыщешь – тогда сам входи к нему в стойло или пусть тебя расскажут как ослушника царского». А у меня, приятель, есть жена и пять детей, да еще старики мои живы, родители. Пожалей меня, милый друг, и если не робок ты, то походи наймись быть при злом слоне приставником. Может быть, что он тебя полюбит и станет подпускать

к себе без лютости, потому что старики говорят, будто он не терпит тех, кто к нему идет с робостью, а мы все, наглядевшись на него, уже оробели, а ты не видал от него страха, так, может быть, и подойдешь к нему со смелостью.

– Ладно, ладно, – сказал Долгожив, – что рассказывать, у тебя есть жена с детьми и родители, а я тут весь один, и нет у меня ни роду ни племени, пойду за тебя попробую – цел ли, нет ли буду, а отведу от тебя беду в сторону.

И с этим Долгожив встал и пошел с конюхом к слоновым конюшням царя Брамадаты, который отнял у него и царство его Казальское, и казнил его отца с матерью.

Глава пятая

Когда люди, служившие в царских слонечнях, увидели, что пришел новый человек доброй волею и охотою, чтобы ходить за диким слоном, то все удивились и собрались смотреть, как он будет входить в просторное стойло, где слон стоял, прикованный за ногу к стояку, сплоченному из пяти толстых свай, вколоченных в землю с корневища по макушки и опоясанных в три ряда толстыми медными обручами.

Пришел и главный конюший посмотреть на Долгожива и сказал ему:

– Ну, входи не робеючи; будешь цел, я тебе дам жалованье против всех других вчетверо, и услышит про тебя царь – будешь ты у него в большой милости, а не будешь цел – на себя пеняй: не неволим тебя, а идешь вольной волею.

– Да, – сказал Долгожив, – я иду вольной волею, и совсем не для большой платы и милости, а иду, чтобы отдать мою жизнь, кому она надобна.

А сам вспоминает слова своего родителя и думает: «Кажется, этак я не гляжу слишком близко и не гляжу чересчур далеко, а гляжу так, как надобно, потому что человеку надо помогать неотложно, когда ему скорбь угрожает, а о себе нечего вдаль долго вздумывать: что вдали, то в свое время объявится».

И с этим Долгожив вздохнул вольным вздохом во всю

свою молодую грудь и запел нараспев громким голосом про то самое, о чем ему думалось, и стал нагребать в корзины из вороха рисовое зерно, приготовленное на корм слонам. А как насыпал рисом три корзины, что составляло для слона ежедневную дачу, то поставил эту корзину себе на голову и пошел в стойло к дикому слону без всякого страха и с веселою песнею.

Слон же ждал его, поводя длинным хоботом во все стороны, но при входе Долгожива не взметался, как при входе других делал. И так дал ему высыпать корзину риса и кормежный напол³ и выйти благополучно вон; а когда Долгожив принес с песнею вторую корзину, то слон стал ушами хлопать от радости, а когда третью принес, то слон согнул свой хобот и начал им Долгожива ласкать и поглаживать.

Доложили об этом царю Брамадате, и тот захотел сам увидеть Долгожива и велел ему при себе свои песни спеть, и пение Долгоживово сразу царю Брамадате понравилось, и полюбил он молодого приставника и за ясный взгляд его лица, и за мужественную смелость, и за чудесное пение. И сказал Брамадата, бенаресский царь, Долгоживу:

– Быть тебе при моем могучем, диком слоне приставником и получать всякого жалованья против всех других больше вчетверо, а есть и пить с моего стола, а как уберешься в слонечне, обрядив слона, то скидавай с себя платье приставничье и надевай на себя лучшее платье, которое я тебе

³ *Напол* – кадь из долбленного дерева для зерна или муки.

с своего плеча сошью, и приходи ко мне всякий день, чтобы предо мною петь и со мною разговаривать.

Так Брамадате-царю молодой Долгожив полюбился от разу, а как он стал всякий день к нему во дворец приходить и перед ним петь и с ним разговаривать, то понравился Долгожив Брамадате-царю во всех статьях, и столь его привлек к себе своим ласковым нравом и разумным о всех вещах рассуждением, что стал он царю самым милым человеком, и перевел его Брамадата жить из слонечных конюшен в свой царский дворец и не хотел Расставаться с ним даже на самое малое время, а где сам сидит, тут и его держит, и куда выедет, туда и его с собой берет: и на войны, и на ристалища, и на охоты на тигров и других больших зверей. И назвал Брамадата, бенаресский царь, Долгожива уже не слоновым приставником, и собственным его царским и задушевым другом. А ни Брамадата-царь, ни его придворные не знали, что Долгожив – сам природный царевич, сын казненного казальского царя Радована.

И так прожили Брамадата с Долгоживом в завидном для всех царедворцев содружестве целый год, а на втором году у них между собою вышло особое приключение.

Глава шестая

Выехал раз царь Брамадата на охоту за тиграми, и была с ним большая свита его придворных людей и стрелков самых искуснейших, а рядом с ним ехал верхом на коне Долгожив. И началась у них охота очень большая, и побили они уже много зверей, и вдруг на них выскочил огромный тигр и начал яро скакать, и то покажется на вид и человека разорвет, то опять в дебри скроется, и рассердил он всех, и все охотники ударились за ним в погоню, и все порознь разбились и в лесу растерялись, так что не скличутся в лесу и не свидятся, и не заметили, что вгорячах своего царя потеряли. А царь Брамадата очутился в непроходимой чаще только вдвоем с Долгоживом и почувствовал смертельную усталость.

Тогда сказал Брамадата Долгоживу:

– Я уснуть хочу, а боюсь, не ужалил бы меня, сонного, ядовитый гад. Разнуздай поскорей наших коней и привяжи их к деревьям, пускай ходят вокруг и травую покормятся, а сам сядь и дай мне положить мою голову тебе на колени и побереги мою жизнь, пока я усну и наберу опять себе силы, чтобы нам из этого леса выбраться.

– Хорошо, – отвечал Долгожив, – все сейчас будет по-твоему.

Разнуздал Долгожив верховых коней, поослабил на них седельные подпруги и привязал их на долгих ремнях к дере-

вьям, чтобы могли траву есть, а сам раскинул свою одежду, сел под деревом, сложив ноги накрест, и уложил на колени себе голову царя Брамадаты. А тот от несносного жара и от усталости, как только прилег головою в колена к Долгоживу, так и заснул самым крепким сном.

Долгожив же сидел и берег его, чтобы не подкрался к нему из травы и не ужалил его какой-нибудь ядовитый гад, и обмахивал лицо спящего царя веткою, а сам, глядя на лицо его, стал раздумывать:

«Вот это спит у меня на коленях Брамадата, бенаресский царь, который сделал много зла всему нашему царству казальскому: он наших добрых людей побил, а остальных в плен забрал, и одних замучил в неволе на тяжелых работах, и других совратил с пути кротости и научил их неверности и жестоким военным обычаям; он отнял у нас все стада и обозы, и казну, и всякий съестной запас, а земляные уголья под себя подбил с одной жадностью и забросил их без ухода лежать в опусте; да убил еще он без вины моего отца с моей матерью и повелел их еще перед смертью срамить – молить на посмешище по всем улицам, а потом рассек их наполю, да хотел, чтобы их тела, на части рассеченные, и горячей пыли бы валялися без погребения, – вот мне теперь какой случай пришел, чтобы за все его зло с ним разделаться!»

И как только вздумал это Долгожив, так и не заметил, как поспешно рука его вынула из ножен меч, и он подмял этот меч над открытым горлом Брамадаты. Но в тот самый миг,

как хотел Долгожив провести острым мечом по горлу спящего царя, пролетело у него в уме предсмертное завещание отцовское, и сказал он себе: «Мой отец, когда его на казнь вели, сказал мне: «Сын мой, Долгожив, не смотри ни слишком далеко, ни слишком близко, потому что вражда умиротворяется не враждою, а милосердием». Не хорошо будет, если я этих слов моего отца не послушаюсь».

Так сказал себе Долгожив, и рука его вложила обратно меч в ножны.

Но не сразу борьба эта в сердце Долгожива утихла и темная страсть мщения уступила место свету милосердия. Трижды овладевала им жажда мщения, и три раза вынимал он из ножен меч свой и ставил его лезвие над открытым горлом спящего Брамадаты, и опять трижды вкладывал его назад в ножны, когда вспоминал отцовы слова; и когда он вложил свой меч в ножны в последний раз, то вдруг Брамадата страшно заметался во сне и, пробудясь от сна, стал говорить:

– Крепко я спал, но ужасно встревожился и не могу в себя прийти.

– Отчего? – спросил Долгожив.

– Оттого, что приснился мне страшный сон, будто ты поднимал надо мною острый меч и хотел перерезать им шею мне.

Глава седьмая

И как сказал это Брамидата, то вдруг запылала в душе Долгожива страшная месть, и он сказал царю хриплым голосом:

– Что тебе снилось, то и въявь было, – и с этим схватил одною рукою Брамидату за волосы и перегнул ему голову через свое колено так, что у того все горло кверху выперло, а другою рукою выхватил меч и, приставив его к горлу Брамидате, начал говорить ему:

– Узнай же теперь, Брамидата, бенаресский царь, что я отрок Долгожив, сын Радована, царя казальского. Ты нам сделал очень много зла, ты отнял у нас стада, и обозы, и землю, и казну, и всякий запас, да умертвил и отца и мать мою, а теперь настал твой черед сгнбнуть, и пришло время отмстить тебе за твою вражду.

И хотел уже Долгожив двинуть рукою и перерезать горло Брамидате, царю бенаресскому, но лицо царя облилось слезами и исказилось ужасом, и он, обняв колена отрока Долгожива, стал его просить через слезы жалостливым голосом:

– Даруй мне жизнь, сын мой Долгожив. Даруй мне жизнь, дай мне видеть свет твоей милостью.

А Долгожив улыбнулся и сказал в ответ:

– Ты ведь царь! Что же ты просишь: я ли могу даровать тебе жизнь! Это ты можешь даровать мне жизнь, а не я тебе.

– Ах, мой сын Долгожив, – отвечал ему царь Брамидата, –

это так было во всю мою жизнь, когда я мог по своей воле отнимать жизнь у своих людей и у данников, но не так оно сделалось в этот час, которого я никогда над собой не желал видеть и который, однако, настиг меня. Теперь твоя надо мною власть, и я вижу свой прошлый грех, когда я велел отнимать у людей жизнь, им самим Богом данную, и мучится за это душа моя мукой ужасною, и прошу я под твоим мечом у тебя, отрок мой, милосердия: даруй мне жизнь, сын мой Долгожив, даруй жизнь мне и поверь мне по опыту, что если ты не проведешь мечом по моей шее и не отделишь от плеч мою голову, то ты больше увидишь радости, чем бы сказнив меня за то зло, которое я сделал твоим неповинным родителям.

А Долгоживу опять пришли на память предсмертные слова отца его, и ярость в душе его понизилась, и стал находить на него дух милосердия, и отодвинул он меч с шеи царя и сказал:

– Дарю тебе жизнь, и ты не отнимай вперед жизнь ни у кого. – И с этим Долгожив всунул меч в ножны, и оба они с царем Брамадатою обнялись и как будто бы вновь народились и стали беседовать.

Глава восьмая

А в беседе Брамадата, царь бенаресский, захотел узнать все зло, какое Долгожив и его родители испытали от его прошлой лютости, и что с самим Долгоживом случилось – отчего он взял над гневом своим обладание. Долгожив рассказал Брамадате про все, что испытал он, и когда дошел до того, как его спасали от гнева слова, которые сказал ему перед смертью его родитель: «Не смотри ни слишком далеко, ни слишком близко, и знай, что вражда умиротворяется не враждою, а милосердием», – тогда Брамадата-царь спросил у него:

– Скажи же мне, сын мой Долгожив, что сумеешь ты в этих словах, чтобы ими себя руководствовать?

А Долгожив отвечал ему:

– Разумею я, о царь, так: то, что сказал мне отец мой перед смертью: «Не смотри слишком далеко» – это значит: не давай в себе вражде долго длиться, а «не смотри слишком близко» – значит: не расходись с человеком спешно, не испробовав повергнуть его кротко на лучшее. А что сказал мой отец, что «вражда не умиротворяется враждою, а милосердием», то означает, что ты, о царь, умертвил моего отца и мать мою, а если бы я за это отнял теперь у тебя жизнь, то через это вражда бы не умирилась, а умножилась, потому что те, кто предан тебе, отняли бы у меня жизнь, а кто предан

мне, стали бы искать, как у них отнять жизнь, и так через нас вражда бы не умиралась, а умножилась, и конца бы ей не было. А теперь, когда я не стал смотреть слишком далеко, питая злобу, и не смотрел слишком близко: не разошелся с тобою, а поверил тебе, что ты не станешь отнимать жизнь у людей, – то и побеждена вражда милосердием. Вот и тебе годится то, что сказал мой отец, – что «не враждой умиротворяется вражда, а милосердием». Это и думал мой отец перед смертью, сожалея, что он разошелся с тобою поспешно, не испытав переменить твои мысли от грозного обычая к доброму.

И как сказал это отрок Долгожив Брамадате, царю бенаресскому, то Брамадата-царь и задумался, и на ресницах капля слез затяжелела и свесилась. И сказал Брамадата терпеливому отроку:

– Коротко слово твое, сын мой, а смысл его длинен будет во весь век всей жизни на земле всего рода человеческого.

И с этой поры переменился царь Брамадата во всем нраве своем, и не было при нем более никогда казней над людьми, потому что он ни на что не смотрел слишком далеко или слишком близко и всегда помнил, что вражда умиротворяется не враждою, а милосердием.

1884–1885